

Голубков Андрей Васильевич

"ГИРЛЯНДА ЮЛИИ" И ГАЛАНТНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ САЛОННОЙ КУЛЬТУРЕ XVII-XVIII ВВ.

В центре анализа - один из значительных памятников галантной французской литературы и материальной культуры, созданный в салоне ("голубой гостиной") маркизы де Рамбуйе, - "Гирлянды Юлии", а также мужской и женский стили поведения, культивируемые в аристократическом обществе. Салонный антропологический идеал, воплотившийся в бытовом поведении представителей аристократической страты и целом ряде литературных текстов, базировался на пропаганде женского целомудрия и редукции традиционных маскулинных ценностей. Сложная конфигурация дворянских любовных ритуалов, популяризированная в XVII и XVIII вв., стала одним из атрибутов культуры "высшего света" и, согласно теории Ш. де Монтескье, следствием политического строя, сложившегося во Франции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 26-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

представлений, и конфликт человека с нечистой силой вызывает у них невероятные чувства. О правдивости таких рассказов свидетельствует сам рассказчик или свидетель, убеждая этим слушателя в реальности событий. По существу, сюжеты этих рассказов не столь уж многочисленны, в основном мотивы повторяются.

Список источников

1. **Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ).** Карачаево-балкарский фольклорный фонд. Папка 1. Паспорт 50.
2. **Архив КБИГИ.** Карачаево-балкарский фольклорный фонд. Папка 2. Паспорт 40.
3. **Болатова (Атабиева) А. Д.** Реализм и художественная условность в балкарской эпической прозе // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 4 (31). С. 90-95.
4. **Гергокова (Этезова) Л. С.** Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 140 с.
5. **Гулиева (Занукоева) Ф. Х.** Карачаево-балкарская несказочная проза // Язык, литература, фольклор. Книга в честь Юнуса Дешериева: сборник трудов конференции (г. Грозный, 28-30 апреля 2014 г.) / сост., ред. А. И. Халидов. Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2014. С. 203-212.
6. **Гулиева (Занукоева) Ф. Х.** Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 151 с.
7. **Къарачай-малкъар фольклор:** хрестоматия. Нальчик: Эль-фа, 1996. 529 с.
8. **Померанцева Э. В.** Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 102 с.
9. **Традиционный фольклор народов Дагестана** / ред. Г. Г. Гамзатов. М.: Наука, 1991. 496 с.
10. **Хаджиева Т. М.** Малкъарлыла бла къарачайлылары халкъ поэзия чыгъармачылыклары // Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия. Нальчик: Эль-фа, 1996. С. 6-37.
11. **Хут Ш. Х.** Несказочная проза адыгов: автореф. дисс. ... д. филол. н. Тбилиси, 1989. 42 с.

MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN THE KARACHAY-BALKAR BYLICHKAS AND BYVAL'SHCHINAS

Gergokova Leila Sozakbaiovna, Ph. D. in Philology

*Institute for the Humanities Research (Branch) of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
leylagergokova79@mail.ru*

The article is devoted to the mythological characters that can be found in the non-fairy tale prose of the Karachay-Balkar folklore: in bylichkas and byval'shchinas. As examples folklore texts from the archives of Institute for the Humanities Research (Branch) of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences on the topic under study, heard in the living tradition, are used to describe various mythical creatures. The aim of the work is to analyze the peculiarities of the system of images of characters in the Karachay-Balkar bylichkas and byval'shchinas. These oral stories have been worked out by generations and are still preserved in the people's memory. Such narrations represent the ancient sources of the people's worldview.

Key words and phrases: non-fairy tale prose; bylichkas (stories about meeting with devildom); byval'shchinas (true stories); mythical characters; evil spirit; forest man; witch; chort; supernatural beings; mutual shapeshifting.

УДК 82-4

В центре анализа – один из значительных памятников галантной французской литературы и материальной культуры, созданный в салоне («голубой гостиной») маркизы де Рамбуйе, – «Гирлянда Юлии», а также мужской и женский стили поведения, культивируемые в аристократическом обществе. Салонный антропологический идеал, воплотившийся в бытовом поведении представителей аристократической страты и целом ряде литературных текстов, базировался на пропаганде женского целомудрия и редукции традиционных маскулинных ценностей. Сложная конфигурация дворянских любовных ритуалов, популяризованная в XVII и XVIII вв., стала одним из атрибутов культуры «высшего света» и, согласно теории Ш. де Монтескье, следствием политического строя, сложившегося во Франции.

Ключевые слова и фразы: французская аристократическая культура; галантность; Ю. д' Анженн; Ш. де Монтескье; О. д' Юрфе; М. де Скюдери.

Голубков Андрей Васильевич, к. филол. н.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, г. Москва
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
andreygolubkov@mail.ru*

**«ГИРЛЯНДА ЮЛИИ» И ГАЛАНТНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ САЛОННОЙ КУЛЬТУРЕ XVII-XVIII ВВ.**

Утром 22 мая 1641 г. Юлия (Жюли) д' Анженн – дочь г-жи де Рамбуйе, хозяйки самого известного парижского Салона середины XVII в., – обнаружила у изголовья своей кровати подарок: в парфюмированной

коробке из эбенового дерева находился изящный манускрипт «Гирлянда Юлии», заказанный ее многолетним воздыхателем – герцогом Шарлем де Монтозье. Уже современники отмечали, что этот поступок Герцога стал одним из самых ярких воплощений галантности и идеалом любовного ухаживания, культивировавшегося во французских салонных кругах.

Жюли стала блистать в «голубой гостиной» своей матери в начале 1620-х гг., она поражала завсегдатаев салона своей холодностью; некоторое время за ней ухаживал Эктор де Монтозье, после гибели которого главным воздыхателем стал его младший брат Шарль де Монтозье, начавший регулярно посещать «голубую гостиную» в 1632 г. После 10 лет ухаживания герцог решился на изысканный подарок – зашифровать свои чувства на наречии цветов. Дабы составить 6 десятков мадригалов «Гирлянды», Монтозье привлек к сотрудничеству гостей Салона, в том числе таких известных поэтов и литераторов, как Демаре де Сен-Сорлен, Исаак Бенсерад, Ж. Таллеман де Рео. Несмотря на внушительное количество цветов (лилии, фиалки, жасмин, тюльпаны, розы, нарциссы и др.), мадригалы, «созданные ими», идентичны по своей концептуальной схеме и устройству: они исключительно прославляют красоту и целомудрие Юлии. Так, в мадригале «Фиалка» Сен-Сорлен устами цветка заявляет:

«La violette

Franche d'ambition, je me cache sous l'herbe,
Modeste en ma couleur, modeste en mon séjour;
Mais si sur vostre front je me puis voir un tour,
La plus humble des Fleurs sera la plus superbe» [8, p. 403]. /

«Фиалка

Без претензий я прячусь в траве, // Скромна цветом, скромна в своем существовании, // Но если на вашем лбу я смогла бы себя увидеть однажды, // То самый неприметный из цветов стал самым великолепным» (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи – А. Г.).

Сам герцог написал ряд стихотворений, в том числе мадригал от имени гелиотропа, который в течение дня поворачивается вслед за Солнцем; естественно, герцог признавался, что Юлия затмила для него Солнце:

«L'Héliotrope

A ce coup les destins ont exaucé mes vœux;
Leur bonté me permet de parer les cheveux
De l'Incomparable Julie;
Pour elle, Apollon, je t'oublie;
Je n'adore plus que ses yeux.
C'est avec leurs traits qu'amour me fait la guerre;
Je quitte le soleil des cieux,
Pour suivre celui de la terre» [Ibidem, p. 412]. /

«Гелиотроп

Мои желанья, наконец, воплощены волею судеб, // И их доброта мне позволяет украсить волосы // Несравненной Юлии; // Аполлон, я тебя забываю, // И большей нет любви у меня, чем к глазам ее. // Лучами их любовь ведет со мной войну; // И отворачиваюсь я от солнца с небес, // Дабы следовать за солнцем земным».

Даже после такого изысканного подарка выйти за Герцога замуж Юлию уговаривали ее мать, кардинал Мазарини, а также регентша Анна Австрийская: свадьба состоялась 5 июля 1645 г. (невесте было в то время 38 лет). Б. Кравери предполагает, что Монтозье при составлении своего подарка мог учитывать итальянский опыт сложения «гирлянд мадригалов»: во время итальянских кампаний, очевидно, при осаде Казале, Монтозье мог узнать о подарке, который преподнес уроженец этого города – Стефано Гуаццо, автор известного трактата о «вежестве» «Светская беседа», своей возлюбленной – графине Анжеле Бьянке Беккариа [6, p. 83].

История Юлии д' Анженн и Шарля де Монтозье – одна из самых показательных и ярких иллюстраций разработки и применения стилей аристократического поведения: мужчина должен, пусть и символически, «подчиняться» Даме, редуцируя маскулинную брутальность, женщина при этом обязана демонстрировать абсолютную холодность. Парадоксальным образом оба должны постоянно участвовать в бесконечном «эротическом промедлении» и даже культивировать его напоказ; эта поведенческая матрица оказывается элитарным идеалом, хотя бы и дискурсивным, а также знаком отличия аристократического типа поведения от того, что был в ходу у демократической страты, представители которой практиковали быстрое утоление обоюдной страсти.

Поведенческие ритуалы, основанные на сдержанности, во французской аристократической культуре начали активно формироваться с первого десятилетия XVII в., когда получили распространение галантные романы, ставшие настоящими сборниками идеальных примеров для подражания. Первым таким романом-«наставлением» стал огромный роман Оноре д' Юрфе «Астрея», вышедший с 1607 по 1628 г. (последние тома были написаны Б. Баро, секретарем д' Юрфе, и писателем М. Ле Руа Гомбервилем). По мнению немецкого социолога и культуролога Н. Элиаса, этот «циклопический» роман, повествующий о чистой любви пастушки Астреи и пастуха Селадона, оказывается важнейшим симптомом изменений в дворянской культуре Запада и настоящей пропагандой воздержания – женской холодности и мужского подчинения: «Это продление любовной игры и вторичное удовольствие от напряжения неутоленного влечения самым тесным образом связаны с определенным любовным этосом» [4, с. 317]. «Астрея» быстро вошла в обиход аристократов, породила разнонаправленную рефлексию и сформировала новые стандарты дворянского поведения. Ж. Таллеман де Рео в разделе, посвященном кардиналу де Рецу, рассказывает о том, как французские дворяне

в 1620-е гг. (напомним, что д'Юрфе скончался в 1625 г.) развлекались, превращая процесс чтения «Астреи» в кропотливую экзегезу: «В семейном кругу, в который входила и г-жа де Гимене, развлекались, между прочим, и тем, что писали друг к другу вопросы касательно “Астреи”, и тот, кто на оные отвечал не точно, платил за каждую ошибку парой перчаток от Франжиана» [3, с. 202]. Женская героиня романа логично стала идеалом; не будет лишним вспомнить, что и Жюли д'Анженн любила позировать в образе крестьянки из романа д'Юрфе, свидетельством чему оказывается картина «Госпожа д'Анженн в образе Астреи» кисти Клода Деруэ, ныне хранящаяся в Музее изящных искусств Страсбурга (Дворец Роанов).

Публиковавшаяся до 1633 г. «Астрея», последовавшая за ней «Ариана» (1632) Демаре де Сен-Сорлена, «Полександр» (1637) Гомбервиля, «Кассандра» (1642-1645) и «Клеопатра» (1647) Ла Кальпренеда, а также романы «Ибрагим, или Знаменитый Паша» (1641-1644) и «Артамен, или Великий Кир» (1649-1653) и «Клелия, римская история» (1654-1660) Мадлены де Скюдери (укажем, что некоторые романы Мадлены де Скюдери, согласно распространенной версии, создавались в соавторстве с ее братом Жоржем) стали яркими образцами французского барочного романа и проводниками светских галантных практик, в основе которых оказывалась пропаганда женского целомудрия. На знаменитой «Карте страны Нежности» из романа «Клелия», написанного м-ль де Скюдери, топографически известный мир заканчивается рекой Душевной Склонности: «Река Душевной Склонности впадает в море, называемое Опасным, ибо немалая опасность подстерегает женщину, перешедшую немного за границы дружбы; а за морем она изобразила то, что мы зовем Неведомой Землей» [2, с. 120]. Плотские взаимоотношения, таким образом, не оказываются среди владений королевы Нежности, для исследования этих краев нужны безумие и особая отвага, коей не отличаются истинные светские аристократки.

В анонимном некрологе маркизе де Рамбуе (скончавшейся в 1665 г.) перечисляются ее изысканные свойства, в числе которых оказывается галантность, но опять же с показательным уточнением:

«Elle savait percer par ses vives lumières
Des sciences, des arts, les plus sobres matières,
Et faisait confesser aux plus docts Esprits
Qu'elle n'ignorait rien, sans avoir rien appris.
Mais elle savait tout sans paraître Savante
Et sans galanterie, on la voyait galante» [7, p. 184]. /

«Она умела проникать благодаря своим живым познаниям // В науки, в искусства, в самые темные материи, // И самые ученые умы были вынуждены признать, // Что она знает все, ничего не уча, // Но она знала все, и не казалась Ученой; // И без галантности она была галантной».

Другая салонная дама, известная госпожа де Севинье, указывает на свою «холодность», которая ни в коей мере не исключает весьма фривольных описаний в ее письмах, в том числе и тех, которые касаются интимной жизни ее детей. Сын маркизы, Шарль, поведал матери о своем конфузе с актрисой Шампмеле (ставшей впоследствии любовницей драматурга Ж. Расина), и «ледяная» госпожа де Севинье так описывает новость своей дочери в письме от 8 апреля 1671 г.: «Ему представился прекрасный случай, и вот, осмелюсь ли я сказать это, *Его “лала” Льеиду не взяла*» (*Здесь и далее перевод автора статьи – А. Г.*) [9, p. 210]. Маркиза цитирует в письме фрагмент (*Son dada demeure court à Lérída*) популярной песенки, направленной против принца Конде: она обрела популярность в 1644 г. после неудачной осады Льеиды (Лериды) войском принца во время Сегадорского восстания (эта песенка имела большой успех в течение всего 17 столетия и обыкновенно исполнялась в насмешку над неудачливым любовником). Маркиза забывает о конфиденциальности разговора с сыном, более того, она продолжает и детально описывает происшествие: «Мы сильно смеялись; я призналась, что рада тому, что он наказан именно чрез то, чем грешил. Он набросился на меня и сказал, что это де я передала ему весь свой лед, а он прекрасно бы и без него обошелся, и лучше бы я наградила своим холодом свою дочь» [Ibidem, p. 211].

Напомним, что уже Бальдассаро Кастильоне в своем трактате-диалоге «О придворном» (1516), ставшем одним из важнейших истоков галантности в западном мире, был вынужден употреблять выражение «*donna di palazzo*», дабы указать на придворную женщину: он избегает слова «*cortegiana*», которое в языке 16 в. уже было связано с представительницей артистической богемы, отличавшейся свободным, близким к безнравственному, поведением: стиль жизни истинно светской дамы должен отличаться целомудрием. Кастильоне был вынужден уточнить, что «*donna di palazzo*» должна «уметь развлекать, не позорясь»: «Вполне достаточно, чтобы эта придворная дама была прекрасна, скромна, порядочна, любезна, и чтобы она умела развлекать, не позорясь, танцами, музыкой, играми, шутками, афоризмами и другими вещами, которые, как видим каждый день, в ходу при дворе» [5, p. 226].

Редукция маскулинности и превознесение фригидности, безусловно, оказываются базовыми антропологическими характеристиками мужского и женского аристократического этоса и лидирующими принципами совместного существования в свете. При контакте с женщинами в условиях салонов мужчины обнаружили себя перед необходимостью подвергнуть решительной ревизии свои животные инстинкты, обуздать грубость и насилие, что и легло в основу истинной, высокой галантности. Причины популярности такой антропологической схемы, как нам представляется, прекрасно постулированы философом-просветителем Ш. де Монтескье в труде «О духе законов». По мнению Монтескье, превращение галантности, понимаемой как холодность и самоограничение, было связано с самосознанием французов и, прежде всего, со становлением аристократии, которая, отбросив практические дела, обладала избытком свободного времени: «Абсолютное правление производит праздность, а праздность порождает вежливость. Чем больше в народе людей, которые должны

угождать и нравиться друг другу, тем более он вежлив» [1, с. 431]. Монархическая Франция оказалась той самой страной, где высокая галантность, ярким воплощением которой и стала «Гирлянда Юлии», достигла необыкновенных высот именно по причине аристократического досуга.

Список источников

1. **Монтескье III. де.** Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 800 с.
2. **Скюдери М. де.** Карта страны Нежности // Бюсси-Рабютен. Любовная история галлов. М.: Ладомир; Наука, 2010. С. 119-126.
3. **Таллеман де Рео Ж.** Занимательные истории. Л.: Наука, 1974. 316 с.
4. **Элиас Н.** Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
5. **Castiglione B.** Il libro del Cortegiano. Torino: Einaudi, 1965. 391 p.
6. **Craveri B.** L'Âge de la conversation. Paris: Gallimard, 2002. 496 p.
7. **Krajewska B.** Mythes et découvertes. Le salon littéraire de Madame de Rambouillet dans les lettres des contemporains. Paris – Seattle – Tübingen: Papers on French Seventeenth Century Literature (Biblio 17), 1990. 249 p.
8. **Livet Ch.** Précieux et précieuses: Caractères et mœurs littéraires du XVIIe siècle. La Guirlande de Julie. Œuvres-et-Valsery: Ressouvenances, 2001. 442 p.
9. **Sévigné M. de.** Correspondance: 3 vol. Paris: Gallimard, 1973. Vol. 1. 1504 p.

**“GUIRLANDE DE JULIE” AND COURTEOUS ANTHROPOLOGY
IN THE FRENCH SALON CULTURE OF THE XVII-XVIII CENTURIES**

Golubkov Andrei Vasil'evich, Ph. D. in Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Russian State University for the Humanities, Moscow

andreygolubkov@mail.ru

The article is devoted to studying “Guirlande de Julie”, the significant monument of courteous French literature and material culture created in marquise de Rambouillet’s “Blue salon”. The paper also analyzes masculine and feminine behaviour styles cultivated in aristocratic society. Salon anthropological ideal realized in everyday behaviour of aristocratic stratum representatives and in a number of literary texts was based on propagation of woman’s chastity and devaluation of the traditional masculine values. Complicated configuration of noble amorous rituals adopted in the XVII and XVIII centuries became one of the attributes of “high culture”. According to Ch. Montesquieu, it was inspired by the political system established in the country.

Key words and phrases: French aristocratic culture; gallantry; Julie d’Angennes; Charles de Montausier; Honoré d’Urfé; Madeleine de Scudéry.

УДК 82.02

Статья посвящена определению места архетипа Искателя Истины в в современной научной мысли. При этом автор обращается к проблеме формирования теории культурных/литературных архетипов. При изучении вопроса о компетентности использования термина «архетип Искателя Истины» дается обзор зарубежных и русских исследователей по данному вопросу. Автор статьи приходит к выводу о действительном существовании в культурном бессознательном данной архетипической категории и впервые приводит ее научное обоснование, обращаясь к еще не освещенному в российской науке философскому учению Ф. Р. Лисса 1846-1849 гг.

Ключевые слова и фразы: архетип; Искатель; Истина; инвариантное ядро; образ; символ; метаязык; семантическое поле.

Дронов Антон Александрович

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

anton_dronov1991@mail.ru

АРХЕТИП ИСКАТЕЛЯ ИСТИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Понятие «архетип» сформировалось в XX веке в исследованиях К. Г. Юнга. Швейцарский ученый определял «архетипы» как «формы и образы, коллективные по своей природе, встречающиеся практически по всей земле как составные элементы мифов и являющиеся в то же самое время автохтонными индивидуальными продуктами бессознательного происхождения» [8, с. 165]. Психоаналитический подход К. Г. Юнга к изучению данного понятия заключается в том, что «архетипы» по своей природе гипотетичны и пребывают в области бессознательного, тогда как человеческое сознание анализирует уже конкретно архетипические образы.

В дальнейшем архетипическая теория находит широкое распространение в гуманитарных науках, однако ее универсальная природа создает проблемную ситуацию: границы понятия «архетип» становятся весьма